

ЦЕРКОВНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ В ЭПОХУ ЯРОСЛАВИЧЕЙ (1054–1073 гг.)*

В статье реконструируется картина кризисов в Русской Церкви при Ярославе в 1054–1073 гг. и попыток их разрешения. Усиление позиций Русской Церкви в начале 1050-х гг. было связано с политической волей Ярослава Владимировича, однако сразу после его смерти 20 февраля 1054 г. и разделения Руси между его сыновьями митрополия Руси попадает в полосу разнообразных конфликтов. Сразу после кончины Ярослава митрополит-грек Ефрем оказался вовлечен в полемику вокруг раскола между Римской и Константинопольской Церквями, в которой он занял резко антилатинскую позицию, дополнив список «вин» Рима множеством новых пунктов, что затрагивало интересы Изяслава и Святослава Ярославичей, женатых на принцессах из латинской Европы. Но в конфликте Изяслава с печерскими монахами из-за пострижения княжеских слуг митрополит, по всей видимости, *de facto* поддержал князя, что привело к эмиграции части печерцев. Наметившиеся центробежные тенденции в Русской Церкви породили в 1055 г. конфликт между Ефремом и Новгородским епископом Лукой, который, видимо, стремился к статусу архиепископа и которого митрополит, по надуманному обвинению его холопа (вероятно, в причастности к азартным играм), подверг трехлетнему заточению в киевском монастыре. Возвращение в Новгород Луки в 1058/9 г. и наказание оклеветавшего его холопа Дудики знаменуют собой окончание церковного кризиса 1050-х гг. Однако после первой междоусобной войны 1068–1069 гг. Русская Церковь оказалась вовлечена и в политические конфликты. После изгнания Изяслава из Киева в 1068 г. дезинтеграционные тенденции породили создание новых митрополий в стольных городах младших Ярославичей, повышавших их политический престиж: Черниговской (до 1072 г.) и Переяславской (до 1076 г.). Эти митрополии были не полноценными, а титулярными (без епископов-суффраганов), однако последняя просуществовала до 1100-х гг., что отложило восстановление единства Церкви Руси еще на треть века.

Ключевые слова: Древняя Русь, Русская Церковь, митрополия Руси, Ярославичи, церковная политика

* Работа выполнена в рамках проекта «Язык, литература, культура в историческом и социальном измерении» Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ 2025 г.

In this work are presented the results of the project "Language, literature, culture in the historical and social dimensions", carried out within the framework of the Basic Research Program at the HSE University in 2025.

Эпоха Ярославичей выглядит для Русской Церкви, на первый взгляд, совсем не столь драматическим временем, как последние годы правления их отца, на которые приходится попытка поставить митрополита Киевского из русских и без согласия Константинополя, введение нового церковного устава, создание первого русского культа (свв. Бориса и Глеба), удвоение числа епископских кафедр и русификация богослужения. Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что в правление Ярославичей Церковь на Руси также столкнулась с рядом серьезных вызовов, требовавших адекватного ответа: «Великой схизмой» 1054 г., конфликтом митрополита-грека Ефрема с русским епископатом, усилением роли кафедр в стольных городах младших Ярославичей и Киево-Печерского монастыря. Отдельные церковные конфликты времени Ярославичей неоднократно становились предметом исследования, однако данная эпоха в истории Русской Церкви не рассматривалась комплексно, чего она несомненно заслуживает. Более того, именно такой комплексный взгляд на этот период церковной истории Руси позволит выявить специфику данного ее этапа, ставшего во многих отношениях ключевым для нее, в т.ч. в силу общеполитической ситуации.

После смерти Ярослава 20 февраля 1054 г. оставшиеся в живых его сыновья по завещанию отца разделили между собою столы: Изяслав получил Киев, Святослав – Чернигов, Всеволод – Переяславль, Игорь – Владимир-Волынский, а Вячеслав – Смоленск. Но в 1057 г. Вячеслав умер, и Игорь был переведен братьями в Смоленск. Наконец, после смерти Игоря в 1060 г. его старшие братья разделили всю Русь (кроме Полоцкой земли) между собой. К. Цукерман выразил сомнение в существовании «триумvirата Ярославичей», описываемого летописями (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 161–162; Т. 2. Стб. 150–151; Т. 3. С. 160), допуская лишь существование их спорадических «дуумvirатов» (Цукерман 2008). Однако тот факт, что в 1052 г. Ярослав не посадил никого из своих сыновей на новгородский стол, второй по значению на Руси и принадлежавший обычно наследнику киевского князя, свидетельствует о подготовке им коллективного управления державой: в колофоне Остромирова евангелия 1056–1057 гг. Новгород представляется как «стол Владимира» (Столярова 2000. С. 13–14. № 5) (т. е. умершего еще в 1052 г. Владимира Ярославича), который Изяслав оставил за собой. Начиная же с 1057 г. и до 1072 г. большинство действий трех старших Ярославичей представлены в древнейших летописях как совместные акты (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 163–167; Т. 2. Стб. 152–156; Т. 3. С. 17–18), и они вместе дополнили «Русскую правду» своего отца «Правдой Ярославичей».

Однако в 1068 г., после свержения Изяслава (когда киевским князем ненадолго стал Всеслав Брячеславич Полоцкий) и его скорого возвраще-

ния в Киев с польскими войсками своего шурина Болеслава II, произошел передел владений между братьями: в 1069–1071 гг. сыновья Изяслава занимали полоцкий стол, но Новгород достался сыну Святослава Глебу. Кроме того, Киев стал рассматриваться как общее владение Ярославичей: младшие братья начали строить здесь свои монастыри (первый, Выдубицкий, был заложен Всеволодом в 1070 г.). «Триумvirат» окончательно распался в 1073 г., когда Святослав и Всеволод изгнали из Киева Изяслава, который бежал в Польшу и вернулся оттуда в 1076 г., после смерти севшего в Киеве Святослава, но погиб в 1078 г., а Киев занял Всеволод.

«Великая схизма» 1054 г. Весной 1054 г. в Константинополь прибыли папские легаты, вступившие в конфликт с патриархом Михаилом Кируларием, и в июле обе стороны анафематствовали друг друга. Это событие, равно как и смерть Ярослава зимой того же года, требовало сношений Киева с Константинополем: как для подтверждения договоренностей между Русью и империей 1046 и 1052 гг., так и для согласования позиции Киевского митрополита с политикой патриархата в отношении Римской Церкви.

Теперь, когда мы знаем, что Ефрем прибыл в Киев уже в 1052 г. (Виноградов 2019), нет необходимости вычислять соотношение его поставления с событиями 1054 г. (как в: Чичуров 2007. С. 122–123), равно как и предполагать вакантность Киевской кафедры (Соколов 1913. С. 41–54) на основании молчания летописи об архиереях на похоронах Ярослава (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 162; Т. 2. Стб. 150–151), вполне обычного (см., например: Там же. Т. 2. Стб. 293, 440). Судя же по списку участников константинопольского собора 20–24 июля (Les regestes 1989. P. 365–367. No. 869)¹, сам Ефрем на нем не присутствовал, т.е. находился на Руси.

Однако, узнав о конфликте с латинянами, он прислал письменное подтверждение своего согласия с критикой латинских обычаев. Оно было обнаружено И.С. Чичуровым в каноническо-полемическом сборнике Vat. gr. 828 (Čičurov 1998. S. 343–345)². Трудно согласиться с идеей издателя (основанной лишь на повторении οἱ αὐτοί), что «Написание» было предназначено для устного произнесения: чуть выше он сам указывает на отсутствие у текста какого-либо введения (Чичуров 2007. С. 130–131); против этого говорит и позднейшее использование его именно в письменных текстах (см. ниже). Впрочем, текст Ефрема несет на себе следы быстрого составления: отсутствуют введение и заключение, а в заим-

¹ Экзотическая гипотеза о посещении папскими легатами Илариона в Киеве в 1054 г. (Чубатий 1965. С. 338–340; Рамм 1969. С. 52–58) подверглась критике в: Поппэ 2011. С. 120–121, а также полностью опровергается скорректированной хронологией митрополитов Киевских (см. выше).

² Нами обнаружен второй, близкий текстуально и хронологически список – Chalc. Panag. 78 (лл. 14–15).

ствованном у Кирулария обвинении в ношении колец Ефрем забывает упомянуть, что оно относится к епископам. Сочинение «Ефрема, митрополита Росии», идеально вписывается в контекст антилатинской полемики середины 1050-х гг. – попытка атрибуировать его действовавшему через полвека Ефрему Переяславскому (Бармин 2010) несостоятельна, так как его титул выглядел иначе (Бутырский 2019).

Термин *ἔγγραφον*, которым Ефрем озаглавил свое сочинение, имеет техническое значение «акт» (Чичуров 2007. С. 123–124), т.е. текст имел официальный характер. При этом «Написание» представляет собой совершенно самостоятельное произведение (Там же. С. 124–132), затрагивающее многие темы, не поднимавшиеся прежде в греко-латинской полемике. При сравнении его обвинений с теми, которые были сформулированы в 1054 г. – на основе предыдущей традиции – Михаилом Кируларием в письме Петру Антиохийскому (PG. T. 120. P. 789–792; рус. пер.: Послание 2001), выделяются две их группы: расширения (статьи 1–5, 8, 12, 14, 15, 22, 26, 27) и новшества (статьи 7, 9–11, 13, 16–21, 23–25). «Написание» Ефрема расходится с письмом Кирулария в некоторых деталях общих статей и в отсутствии ряда «вин» из последнего, но содержит дополнительные факты (не считая трактовок) сравнительно со всей предшествующей антилатинской полемикой: лишь непение аллилуйя в Великий пост упоминается в послании Льва Охридского Петру Транийскому 1053 г. (см.: Бармин 2006. С. 128), что свидетельствует о хорошем знакомстве Киевского митрополита с ходом антилатинской полемики.

Число дополнительных обвинений, в т.ч. весьма серьезных, в «Написании» столь значительно, что почти исключается его использование в письме Кирулария. Напротив, отличия «Написания» от письма в списке «вин» невелики: несколько иначе сформулированы отличия латинян в постовой практике, чине Крещения, почитании святых и брачном праве, а опущены лишь незначительные детали богослужения и брадобритие у духовенства. Но все существенные обвинения латинян у Кирулария присутствуют и в «Написании»: *Filioque*, служение на опресноках, пост в субботу, изменение норм великопостного цикла и целибат духовенства (сформулированы уже Никитой Стифатом), а также нарушение поста монахами, отклонения в чине Крещения, участие духовенства в военных действиях, непочитание икон, недопустимые браки, ношение епископами колец. Важно, что в своем ответе Кируларию Петр Антиохийский (изд.: Acta et scripta 1861. P. 189–204) причислил ряд отличий латинской Церкви к незначительным, в т.ч. как раз опущенные Ефремом брадобритие и некоторые постовые нормы. Намного вероятней, что Ефрем при составлении своего «Написания» ориентировался на основные обвинения латинян, сформулированные Кируларием (и Львом Охридским), к которым добавил много новых пунктов.

Многие новшества у Ефрема связаны с его пребыванием на Руси (Чичуров 2007. С. 126–130), где к осени 1054 г. он митрополичествовал уже не менее двух лет. К их числу Чичуров отнес употребление этнонима Νεμίτζιοι (известного, впрочем, уже Константину Багрянородному) и хоронима Λεχέα (т.е. Польша), вопрос о языке богослужения, наречение крещаемых именами зверей и инвеституру епископов, сочтя три последних актуальными и для самой Руси, где существовало богослужение на славянском, продолжали бытовать дохристианские имена и Ярослав самовластно поставил Илариона митрополитом. Действительно, последний акт похож на западноевропейскую инвеституру епископа монархом, однако Ефрем говорит лишь об избрании (προβαλλόμενοι) епископа королем и продолжает данную статью обвинением латинских епископов в участии в походах (ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 271), что неизвестно для русских иерархов. Обвинение в наречении именами зверей не применимо к русским реалиям, ведь, согласно Ефрему, так называют именно крещаемых, тогда как на Руси «звериные» имена ни по каким источникам не прослеживаются как крестильные, в отличие от германского мира.

Вообще, Ефрем предстает перед нами как внимательный наблюдатель (канонист и этнограф), отмечающий детали церковной жизни в странах латинской Европы, от Рима и Италии до сопредельных с Русью Польши и Скандинавии, настолько вставая на позицию русского наблюдателя, что даже именует современных ему римлян Ῥωμαῖοι, т.е. тем именем, которым византийцы называли самих себя. Благодаря всем этим наблюдениям Ефрем значительно расширил взгляд Востока на количество латинских «вин», и неудивительно, что его «Написание» – наряду с текстами Фотия и письмом Кирулария – стало основой для почти всей последующей традиции таких списков, хотя их верная филиация до сих пор не выявлена (см.: Kolbaba 2000). Между тем именно атрибуция «Написания» Ефрему Киевскому ставит в этом вопросе все на свои места. С одной стороны, его текст был использован во всех древнерусских антилатинских произведениях, надписанных именами последующих русских митрополитов: Георгия (до 1062–1063 – после 1073; см.: Павлов 1878. С. 191–198), Иоанна II (до 1077/8–1089; см.: Там же. С. 169–186) и Никифора (1104–1121; см.: Послания 2000. С. 95–103) Киевских и Леона Переяславского (1070–1080-е гг.; см.: Павлов 1878. С. 115–132), а также у Феодосия Печерского (Еремин 1947. С. 170–173) и в летописной «Беседе с философом» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 114; Т. 2. Стб. 100). С другой стороны, все греческие списки латинских «вин», содержащие новации «Написания», датируются временем не ранее конца XI в.: Иоанна Клавдиопольского (1090-е гг.), Феофилакта Охридского († 1118), Никиты Сеида (1112 г.), Константина Стилба (кон. XII в.), Мелетия (XII–XIII вв.),

Opusculum contra Francos (XII в.) и др., восходя к нему напрямую или опосредованно. Следовательно, «Написание» Ефрема получило популярность и стало авторитетным не только на Руси, но и в Византии.

Таким образом, твердая антилатинская позиция митрополита Ефрема стала известна как в Киеве, так и в Константинополе. «Написание» было составлено после событий лета 1054 г. и до 1061–1062 гг., когда митрополитом Киевским был уже Георгий (Турилов 2006), т.е. на раннем этапе правления Ярославичей. Между тем, столь жесткая антилатинская риторика была совсем не обязательна в восточных Церквях: как мы видели, Антиохийский патриарх Петр считал несущественными или вообще не существующими многие «зablуждения» латинян из списка Кирулария, который Ефрем, напротив, значительно дополнил. Мог ли этот ригоризм Ефрема задевать кого-то конкретно на Руси?

Ярослав Владимирович и его семья были тесно связаны с латинской Европой: сам он и его жена-шведка Ирина-Ингигерда к лету 1054 г. уже скончались, но живы были его дочери Елизавета, Анастасия и Анна, жены королей Норвегии, Венгрии и Франции соответственно. Из живых Ярославичей Изяслав был женат на Гертруде, сестре польского короля Казимира I (1039–1058) (см.: Назаренко 2009), средний Святослав – на некой Кикилии (имя *Caecilia* бытовало только на Западе³; ок. 1072 г. он женился на Оде Штаденской, родственнице германского короля Генриха IV – см.: Щавелев и др. 2021), и только младший Всеволод – на византийской принцессе из рода Мономахов (жены остальных братьев неизвестны).

Более того, в статье 26 «Написания» прямо осуждается практика, когда в жены для близкого родственника (сына, брата или др.) кто-то берет дочь своего свата, а ведь Ярослав женил Изяслава на дочери Мешко II, за чьего сына Казимира примерно тогда же выдал свою сестру Марию-Добронегу (см.: Западноевропейские источники 2010. С. 339–341). Даже если Ефрем сознательно поменял обстоятельства казуса женитьбы, на ее неканоничность, с точки зрения византийского права, это не влияло (см.: Добровольский, Лавренченко 2021): Изяслав и Гертруда находились в недопустимой пятой или шестой степени родства.

Получается, что антилатинское «Написание» не создавало проблем из старших Ярославичей только женатому на Мономахине Всеволоду, что особенно понятно, если Ефрем составил свой текст до того момента, когда со смертью Константина IX 11 января 1055 г. значение семьи Мономахов резко упало. Возможно, митрополит симпатизировал Всеволоду и потому, что, согласно летописи, тот был любимцем Ярослава и именно

³ Несмотря на греческий фонетический облик этого имени в Любечском синодике (< Κηκιλία), в Византии оно не засвидетельствовано.

он хоронил отца (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 161–162; Т. 2. Стб. 150–151), а в Правде Ярославичей («Русская правда» 18) стоит даже выше Святослава.

Конфликт митр. Ефрема с еп. Лукой Новгородским. Ригоризм Ефрема мог быть вызван стремлением укрепить свои позиции, пошатнувшиеся в этот период. Если раньше он контактировал с «единовластцем Руской земли» Ярославом, то теперь ему приходилось иметь дело сразу с несколькими князьями, решавшими важнейшие вопросы совместно, но сидевшими в разных городах. Кроме того, из-за своей резко антилатинской позиции Ефрем, судя по всему, ничего не выиграл от Всеволода, но зато затронул интересы «латинских» жен Святослава и Изяслава, своего князя, которому, как мы видели, помогала его польская родня. А ведь Ефрем прибыл на Русь по соглашению между Ярославом и Константином IX, которые зимой 1055 г. уже были мертвы, и Ярославичи никакими обязательствами с ним не были связаны (если только их посольство в Константинополь в 1054 г. не подтвердило статус Ефрема). Наконец, Ефрему противостояла скрытая оппозиция в лице большинства русских епископов, которые еще совсем недавно, в 1051 г., либо поставляли Илариона в митрополиты, либо были поставлены им, причем некоторые из них были, как Иларион, славянами, например, епископ Новгородский Лука Жидята.

Последний с большой долей вероятности участвовал в не согласованном с Константинополем поставлении митрополитом Илариона Русина в 1051 г., а также в рукоположении новых русских епископов осенью того же года в киевской церкви св. Георгия (см.: Виноградов 2021). При этом Лука был одним из старейших епископов Русской Церкви, будучи поставлен еще в 6544 (1036/7) г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 150; Т. 2. Стб. 138), во время поездки Ярослава в Новгород для передачи местного стола Владимиру Ярославичу, с которым Лука сотрудничал в дальнейшем.

О наказании Луки Жидяты митрополитом Ефремом сообщает Н1мл под 6563 (1055/6) г.: «В семъ же лѣтъ клевета бысть на епископа Луку от своего холопа Дудики, и изиде изъ Новагорода и иде Кыеву, и осуди <и> митрополит Ефримъ, и пребысть тамо 3 лѣта» (ПСРЛ. Т. 3. С. 182). А под 6566 (1058/9) г. та же Н1мл добавляет: «Сем же лѣтъ архиепископъ Лука прия свои столъ в Новѣгородѣ и свою область. Дудицѣ же холопу оскомины: урѣзаша ему носа и обѣ руцѣ, и бѣжа в Нѣмци» (Там же. С. 183). Известия эти имеют, судя по авторской позиции, новгородское происхождение, и их даже считают одной древней статьей, разрезанной позднее надвое (Печников 2015. С. 233).

Не так давно А.А. Гиппиус попробовал расширить источниковую базу «дела Луки Жидяты» комплексом из трех граффити в Св. Софии Новгородской (Гиппиус 2016). Верхнее (№ 182-А) представляет собой инво-

кацию: «Г[оспод]и помози рабоу свое[моу. Псалъ е.г.] Марьтинъ». Возможно, этот Мартин написал следующую инвокацию (№ 182-Б): «[С(вя)т]ыи никола и св(я)та[я] троиц[а] [с]п(а)си [по] многа [м]ѣста [н]ашего владык[о]у с(вя)та[я] с[о]ф[и]я моудрость [б(о)жия съ с(вяты)ми] (сорока) ми зар...». Еще ниже другой рукой написано (№ 182-В): «[с]вятаѣ [со]ѹие : пом[ил]юи : раба своего нико[ло]у пришьльца : ис киева града : [(отъ) с]воего кнѣзя Ёрослава : а (отъ) црѣкѣве святоуя [б]езмъздыникоу и ч[ю]до[т]ворѣ[цю] козьмѣу и дѣмѣяна». Публикатор видел в киевлянине Николае, посланном в Новгород Ярославом, участника «дела Луки Жидяты», который подразумевался (или был упомянут) во втором граффито. Хотя молитва за владыку действительно может быть связана с этим делом, однако Николай никак не мог быть его участником, ведь оно началось только через год после смерти Ярослава. Если и видеть здесь некую связь, то лишь в том, что Николай, как-то связанный с церковными делами (судя по упоминанию им церкви свв. Космы и Дамиана – см.: Там же. С. 817), мог принести в 1052 г. из Киева в Новгород неприятную для Луки весть о замене Илариона Русина на грека Ефрема.

Косвенным свидетельством в пользу аутентичности известий Н1мл можно считать колофон Остромирова евангелия (Столярова 2000. С. 13–14. № 5), переписанного в 1056–1057 гг. в Новгороде диаконом Григорием. При троекратном упоминании Остромира и князя Изяслава (не заказчика рукописи) в колофоне евангелия-апракоса, вложенного в Софийский собор (Кузьминова 2019), ни разу не назван Новгородский архиерей. А ведь именно в эти годы Лука Жидята, не лишенный престола, и находился в заточении в Киеве. Кроме того, отметим, что среди всех изображений евангелистов в рукописи самое роскошное – именно у Луки (см.: Попова 2010), вероятного небесного патрона новгородского владыки.

В другой нашей работе мы подробно разобрали политические и юридические основы наказания Луки Жидяты (Виноградов 2021): вероятней всего, он был подвергнут наказанию митрополитом Ефремом не за серьезные канонические или иные проступки, а по надуманному обвинению в общении с играющими в азартные игры. Причины же этого акта, помимо общей неприязни митрополита-грека к стороннику его оппонента, могут крыться в изменении церковно-политической ситуации на Руси к 1055 г. С одной стороны, Ефрем своей ригористической антилатинской риторикой затронул родственные связи Изяслава и Святослава Ярославичей с Западной Европой, а, с другой, статус епископий в стольных городах младших Ярославичей стал повышаться (см. ниже). В такой ситуации Ефрем, который из победителя в русско-византийском церковном конфликте 1051–1052 гг. рисковал быстро превратиться в проигравшего,

вполне мог опасаться возвышения еще одного старого политического и церковного центра – Новгорода, управляемого русским епископом Лукой Жидятой, старым сторонником самостоятельности Русской Церкви. А ведь в этот момент статус Луки в Новгороде должен был повыситься, так как теперь городом управлял не князь, а «близок» Изяслава Остромир, тесно связанный с близким к Луке Владимиром Ярославичем, как показывает колофон его евангелия и помощь его сына Вышаты Ростиславу Владимировичу в захвате Тмутаракани в 1064 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 152).

Кроме того, если в первых по времени упоминаниях Луки в летописях – под 6544 (1038/9) г. в ПВЛ и под 6563 (1055/6) г. в Н1мл – он назван епископом, то в двух последующих – под 6566 (1058/9) г. в Н1мл и под 6568 (1060/1) г. в Н4Л о его смерти (ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1. С. 120) – архиепископом⁴. Совсем необычно выглядит пара епископ-архиепископ в статьях Н1мл 6563 и 6566 гг. (причем во всех списках), особенно если они действительно представляют собой разрезанное надвое древнее известие: получается, что Лука уехал на суд к митрополиту епископом, а вернулся архиепископом. Между тем, как показал недавно А.А. Гиппиус (2019), титул архиепископа новгородский иерарх получил уже в XI в.

Однако, имея титул архиепископа, новгородский владыка не был архиепископом ни в одном из двух византийских смыслов этого термина: ни митрополитом или патриархом, именовавшимся по традиции архиепископом (ср.: ПСРЛ. Т. 3. С. 89, 321), ни автокефальным архиепископом, подчинявшимся напрямую патриарху, а не местному митрополиту (Chrysos 1969). Не стоит ли за этим уникальным явлением попытка Луки получить во время церковно-политической турбулентности 1054 г. почетный титул архиепископа⁵, которая и привела к его надуманному обвинению и трехлетнему отстранению от руководства Новгородской епархией? Стать автокефальным архиепископом Луке не удалось, но титул архиепископа он, видимо, получил.

Как бы то ни было, наказание Луки митрополитом Ефремом не было напрямую связано ни со смертью его «покровителя» Ярослава, ни с анти-латинской истерией после «Великой схизмы» 1054 г. Обвинение Ефрема было надуманным, призванным отстранить авторитетного епископа (к 1055 г. Лука занимал кафедру уже 19 лет) от управления важной епархией, заточив его в киевский монастырь, и имело под собой политическую подоплеку. Совершение суда над Лукой лишь через 3 года после приезда Ефрема говорит скорее не о мести за избрание Илариона, а о попытке избавиться от сильного соперника в обстановке обостре-

⁴ Непонятно, почему эти факты ускользнули от внимания Т.В. Гимона (2021).

⁵ Какой позднее носили новгородские архиереи и Леонтий II Ростовский. Не исключено, впрочем, что Лука мог стремиться к титулярной митрополии (как позднее Чернигов и Переяславль), а титул архиепископа был компромиссом.

ния церковно-политической борьбы после смерти Ярослава. Возможно, что в тот момент Лука, лишенный политической поддержки из-за смерти своего патрона Владимира и отсутствия в Новгороде князя, пытался укрепить свои позиции за счет повышения своего статуса, что и вызвало противодействие Киевского митрополита. В свою очередь, Изяслав Ярославич, как князь Новгорода, мог санкционировать такой шаг Ефрема из-за опасной близости Луки к покойному Владимиру Ярославичу, ведь ровно в это время Новгород обозначается местным посадником как «стол Владимира», а его сын-изгой Ростислав имел сторонников среди новгородской элиты.

Конфликт Ярославичей с Киево-Печерским монастырем. На вторую половину 1050-х гг. падает еще один конфликт в Русской Церкви, описанный Нестором в «Житии Феодосия» (БЛДР. 1997. Т. 1. С. 368–374) и связанный с набирающим авторитет молодым Киево-Печерским монастырем. Здесь без согласия киевского князя Изяслава Ярославича были пострижены последовательно сын первого княжьего боярина Иоанна, с именем Варлаам, и княжеский евнух, с именем Ефрем. Изяслав вызвал к себе постригшего их Никона и потребовал их возвращения обратно, но тот отказался. Тогда Антоний с братией принял решение уйти из Киева, но Изяслав по совету своей жены Гертруды с трудом (за три дня) убедил печерцев возвратиться обратно. Попытка Иоанна вернуть сына домой также окончилась неудачно, после чего он смирился с монашеством Варлаама.

Предложения точно датировать эти события 1055–1056 или 1061 г. (см.: Шахматов 1908. С. 433–435) зиждутся лишь на недоказанной гипотезе о постриге Варлаама и Ефрема в день их святых покровителей, приходящийся на воскресенье (см.: Жиленко, Лопухина, Назаренко 2003; ср.: Виноградов 2012). Единственный же точный хронологический репер здесь – сообщение «Жития Феодосия» о строительстве после этого Печерского монастыря с храмом и стеной в 6570 г. (сентябрь 1061 – февраль 1063 г.) (БЛДР. 1997. Т. 1. С. 378). А поскольку между конфликтом печерцев с Изяславом и строительством монастыря упоминается еще целый ряд значительных событий, то первый должен был иметь место за несколько лет до 1062 г., т.е., по всей вероятности, в митрополичество Ефрема. Но в подробном описании конфликта несколько удивляет отсутствие упоминания иерарха: князь и монастырь общаются напрямую, что характерно для монастырей под покровительством правителя, под которое обитель перешла лишь позже, в конце 1060-х гг. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 158; Т. 2. Стб. 147). Позднейшее дарение Изяславом земли Печерскому монастырю также указывает на то, что изначально он не был княжеским.

Быстро разрешенный конфликт имел, однако, серьезные последствия для части его участников-монахов, которые все равно ушли из Киева: Никон отправился в Тьмутаракань, где основал свой монастырь; некий монах из обители св. Мины, бывший боярин, по дороге в Константинополь осел на каком-то острове; Ефрем также ушел в Царьград. Несмотря на быстрое примирение между обителем и Изяславом, Ефрем оставался в Константинополе еще после 1062 г., а Никон на Таманском полуострове – аж до 1066 г. Только Варлаам остался в Киеве, возможно, из-за своего знатного происхождения, после чего Изяслав перевел его с игуменства в Печерской обители на настоятельство в своем ктиторском Димитриевском монастыре, к которому печерцы относились с неодобрением (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 159; Т. 2. Стб. 147–148).

На первый взгляд, вступившие в конфликт с Изяславом монахи просто уехали за пределы Руси. Однако Никон отправился не в Византию, а в Тьмутараканское княжество Рюриковичей, которое, видимо, входило в удел черниговского князя Святослава Ярославича (его сын Глеб сидел там в 1064 г.). Значит, участники конфликта старались покинуть владения Изяслава. Но для этого достаточно было отправиться в соседние с Киевом владения Святослава или Всеволода: в 1069 г., после нового конфликта с Изяславом (из-за занявшего киевский стол Всеслава, см. выше), Антоний бежал к тому же Святославу в Чернигов (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 193; Т. 2. Стб. 186). Примечательно, что места добровольного изгнания участников конфликта с Изяславом находились вне юрисдикции Киевского митрополита: в Тьмутаракани–Таматархе был свой архиепископ, непосредственно подчиненный патриарху (*Notitiae episcopatum* 1981. Р. 294, 346), так же, как и в Чернигове 1069 г., вероятно, был уже свой независимый митрополит (см. ниже), в отличие от середины 1050-х гг.

Кроме того, не ставился вопрос о механизме отмены пострига, на которой настаивал Изяслав. Ведь византийское право, как церковное (7-е правило IV Вселенского Собора), так и гражданское (Новеллы Юстиниана 123, 42 = Василики 4, 1, 14; Новеллы Льва VI 7–8), запрещало выход из монастыря и поступление бывших монахов на военную или гражданскую службу под угрозой анафемы, предписывая возвращать беглых монахов в их обители (впрочем, Юстиниан приказывал при повторном бегстве отдавать их в солдаты). И хотя Феодор Вальсамон считает, что столь строгому наказанию должны подвергаться только вступившие на воинскую службу (а остальные – более мягкому), другие толкователи и славянская Кормчая предписывают неукоснительное следование ему (Правила 1876. С. 177–179). Однако 16-е правило того же Собора дает епископу право выказывать человеколюбие в случае брака бывших иноков (на чем настаивал отец Варлаама), т.е., по сути, санкционирует их

выход из монастыря, что подтверждают и Иоанн Зонара, и Феодор Вальсамон, и славянская Кормчая, указывая на право архиерея наложить на них лишь епитимью как на блудников (Там же. С. 209–212).

На Руси ситуация была несколько иной: Устав Ярослава (ст. 40 реконструированного оригинала) прямо санкционировал расстрижение монахов: «Аже чернець или черница рострижется...». Впрочем, если пространная редакция Устава предписывает за это простой штраф в 40 гривен в пользу архиерея (ограничиться чем, возможно, и рассчитывал Изяслав), то краткая отдает здесь наказание на усмотрение иерарха (см.: Щапов 1972. С. 296). Более того, статья 41 того же Устава прямо запрещает князю и гражданским властям вмешиваться в монастырские дела, передавая их в ведение представителя иерарха, так что инициатива Изяслава по расстрижению не могла быть законной без санкции митрополита.

Мог ли Ефрем Киевский занять в этом конфликте сторону Изяслава, а не Антония, связанного с Иларионом и поддержанного Гертрудой, которая происходила из критикуемой митрополитом Польши? С точки зрения канонов, вряд ли: все вышеупомянутые установления касаются добровольного ухода из монастыря, а византийское право прямо запрещало родителям насильственно забирать своих детей из обители (Новеллы Юстиниана 123, 41 = Василики 4, 1, 12). Поэтому у митрополита не было юридических оснований вмешиваться в конфликт Изяслава с печерцами, тем более что тот же евнух Ефрем (возможно, византийского происхождения) отлично знал путь в Константинополь и мог подать жалобу на иерарха. Однако митрополит мог и просто не заступиться за монахов, что они, канонически правые, должны были истолковать как знак вражды – и даже преступление канонов, – и подтолкнуть часть их к тому, чтобы покинуть территорию не только киевского князя, но и митрополита Руси. Показательно, что этот конфликт был окончательно закрыт (с возвращением Никона в Киев) только после ухода Ефрема с кафедры: не позднее осени 1061 – осени 1062 г. на Русь прибыл митрополит Георгий (Рыков, Турилов 1984). Показательно, что при нем, в ходе следующего конфликта Изяслава с печерцами в 1069 г. (см. выше), Киев покинул только Антоний, но и тот, возможно, вернулся туда в 1073 г., вместе со Святославом Ярославичем.

Учреждение митрополий в Чернигове и Переяславле. В 1054 г. епископии Рюриковичей были разделены между тремя старшими Ярославичами поровну: Изяслав контролировал соседний с Киевом Белгород и далекий Новгород, Всеволод – свой стольный Переяславль и далекий Ростов, Святослав – свой стольный Чернигов и далекую Тмутаракань с ее архиепископией Константинопольского патриархата (Игорь контро-

лировал Владимир-Волынский, Всеслав – Полоцк, а кому принадлежал теперь Туров, неизвестно). Главной церковной новацией Ярославичей традиционно считается создание еще двух митрополий, что привело Русскую Церковь в соответствие со структурой их политического «триумвирата», сложившегося после 1060 г. Ряд разрозненных известий сообщает нам, что не позднее 1070-х гг. на Руси возникли две титулярные (т.е. лишённые епископов-суффраганов) митрополии: в Чернигове и Переяславле (*status quaestionis* см. в: Назаренко 2009. С. 207–245), причем А. Поппэ предполагал их создание сразу после 1060 г. (Porre 1971. Р. 182–183). Поэтому разберем сначала известия источников, а затем посмотрим, как их можно согласовать друг с другом наименее противоречивым путем.

Рукопись М (cod. Par. Coisl. 211, XII века) *Notitia episcopatum* 11 середины 1080-х гг., современная ее составлению, упоминает на 72-м месте, между Дристрой и Назианзом, митрополита ὁ Μαυροκάστρου ἤτοι Νέας Ῥωσίας («Чернокрепости, т.е. Новой России») (*Notitiae episcopatum*. 1981. Р. 344), т.е. Черниговского (Поппэ 1968). Остальные ее рукописи чуть ниже, между Христианополем и Лакедемонией, упоминают τὸ Ῥούσιον ἢ Πρεσθλάβα (*Notitiae episcopatum*. 1981. Р. 344), что представляет собой искажение (из-за смешения с кафедрой Русия (Ῥούσιον)) выражения ἡ Ῥωσία ἢ Πρεσθλάβα («Россия, Переяславль»)⁶. Если митрополии в *Notitia* 11 идут, как обычно, в порядке создания, то Черниговская была учреждена после Василейской (возникла в 1059–1067 гг.) и Дристрской (до 1071 г.), но перед Назианзской (в 1069–1072 гг.), т.е. появилась между 1059 и 1072 гг. Переяславская митрополия, известная также по заголовку сочинения митрополита Леона и по печати митрополита Ефрема, возникла после Христианопольской (создана до 1082 г.) и до Лакедемонской (в 1082 г.), т.е. появилась до 1082 г., причем через 5 митрополий после Черниговской (подр. см.: Назаренко 2009. С. 217–219).

Учреждение Черниговской митрополии до 1072 г. подтверждает и перечень иерархов при освящении вышгородского храма 20 мая этого года: «митрополит Георгий Киевский, другой Неофит Черниговский и епископ Петр Переяславский, Никита Белгородский и Михаил Гургевский» (Жития 1916. С. 55–56). Архиерей же Переяславля назван здесь еще епископом, что дает *terminus post quem* для создания там митрополии. Впрочем, он стоит сразу после митрополитов и перед епископом Белгородским, традиционно первым в списке русских епископов, что указывает на его особый статус, превратившийся через некоторое время в митрополичий (Назаренко 2009. С. 229). В «Житии Феодосия»

⁶ Такое греческое имя Переяславля известно по печатям (Бутырский 2019). Титулы с именем города после названия епархии, включающей в себя несколько автокефальных кафедр, известны для Зихии: Херсон, Воспор и Никопсия (*Notitiae episcopatum*. 1981. Р. 206, 218, 232, 250, 266).

Нестор говорит про вышеупомянутого евнуха Ефрема Печерского, что по возвращении на Русь из Константинополя он «поставлен бысть митрополитъм в городе Переяславли» (БЛДР. 1997. Т. 1. С. 374), и он упоминается как митрополит в ПВЛ под 1090/1 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 208; Т. 2. Стб. 200). В 1101 г. митрополии в Переяславле уже не было, судя по упоминанию местного епископа Симеона (см.: Назаренко 2009. С. 238, 241, 262) и по замечанию одной из редакций ПВЛ в середине 1110-х гг.: «бе бо прежде в Переяславли митрополья» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 208). Итак, Черниговская митрополия возникла до 1072 г., а Переяславская – между 1072 и 1082 гг., причем, скорее всего, до 1076 г., когда Всеволод ушел из Переяславля в Киев.

Ожесточенный спор об одно- или разновременности основания Черниговской и Переяславской митрополий (см.: Назаренко 2009. С. 239–245) решается легко: превращение этих столиц двух младших Ярославичей в митрополии было задумано синхронно (Там же. С. 234–235), после первого изгнания Изяслава из Киева и занятия митрополичьего центра Руси Всеславом Брючеславичем Полоцким (что и могло стать формальным поводом для обращения в Константинополь), но добиться этого для Чернигова удалось у патриарха раньше, до 1072 г., а для Переяславля – чуть позже. Возможно, дело было в большей влиятельности черниговского князя Святослава, который после 1068 г. получил, как мы помним, и Новгород. Нет необходимости также видеть в Петре Переяславском одновременно епископа и *metropolitae electus* (Там же. С. 222, 229): уже рукоположенный Петр не мог быть избранным ипопсифием-«ставленником», да и произведение епископа в митрополиты было юридическим актом патриархии, не требовавшим его присутствия, не говоря уже о том, что до 1081 г. в митрополии производилась кафедра, а не лично иерарх. Нет и нужды считать предшественником Ефрема на митрополии именно Николая (возможно, тождественного переяславскому игумену с этим именем на торжествах 1072 г.) (Там же. С. 225), так как в послании Симона Владимирского не уточнен его митрополичий статус (БЛДР. 1997. Т. 4. С. 360)⁷. Наконец, совсем не обязательно предполагать поставление Ефрема в митрополиты именно до ухода Всеволода из Переяславля в 1076 г. (Назаренко 2009. С. 225–226), ведь упразднение митрополии находилось в компетенции не князя, а патриархата и требовало некоторого времени – после Петра Переяславскими митрополитами могли побыть и Николай (если он только не был епископом перед ним), и Леон⁸. Впрочем, долгое митрополичество Ефрема, закончившееся после 1091 г., объ-

⁷ Критику этих гипотез см. также в: Цукерман 2008. С. 43–44.

⁸ Списки «Слова против латинян», где он назван архиепископом (возможно, из-за смешения со Львом Охридским) или епископом, дают испорченный текст (см.: Павлов 1878. С. 115, прим. 1).

яснило бы более длительное существование Переяславской митрополии сравнительно с Черниговской.

Следовательно, учреждение новых русских митрополий произошло, вероятно, при преемнике Ефрема Георгии (до 1062 – после 1073), в царствование Романа IV (1067–1071), при котором митрополией стал стоящий сразу за Черниговом Назианз, и Михаила VII (1071–1078). Заметим также, что сослужение Киевского, Черниговского и Переяславского архиереев в 1072 г. говорит об их взаимопризнании, а вот предшествующее стремление младших Ярославичей создать собственные независимые от Киева митрополии вряд ли могло вызвать одобрение со стороны Киевского первоиерарха.

В этой связи следует обратить внимание на ответы митрополита Георгия игумену Герману, видимо, настоятелю Спаса на Берестове (известен в 1072 г. – ПСРЛ. Т. 1. Стб. 181; Т. 2. Стб. 171): этот монастырь вряд ли мог быть основан Всеволодом Ярославичем до 1070 г. (см. выше), что позволяет датировать данные ответы концом митрополичества Георгия, между 1070 и 1076/7 гг. В очень коротком разделе «А се о епископех» Георгий велит: «Епископа митрополитомъ не ставити» (Турилов 2004. С. 244). Сам запрет на поставление епископа в митрополиты вытекает из правовых норм византийской Церкви (перевод с кафедры на кафедру считался неканоничным и допускался лишь в экстраординарных случаях – 14-е Апостольское правило), и в домонгольское время мы не видим на Руси ни одной попытки посадить на митрополичий престол епископа. Однако столь неожиданное указание, помещенное среди практических правил, невозможно воспринимать иначе, как ответ на подобную попытку.

Практический характер ответа позволяет сузить круг возможных вариантов – речь могла идти только о кандидатуре конкретного русского епископа для рукоположения в митрополиты. Учитывая то, что Герман был игуменом ктиторского монастыря Всеволода Ярославича, наиболее вероятна постановка этого вопроса касательно будущего митрополита Переяславского. Показательно, что все известные нам митрополиты Переяславля не были, по всей видимости, до этого епископами: Леон был греком, очевидно, присланным из Византии, а Николай (вероятно) и Ефрем (точно) поставлены из монахов. Таким образом, вероятней всего, что вопрос Германа (и его патрона Всеволода) касался либо кандидатуры, либо необходимости нового поставления первого митрополита Переяславля, появившегося вскоре после 1072 г.

Заключение. Усиление позиций Русской Церкви в начале 1050-х гг. было связано с политической волей Ярослава Владимировича, однако сразу после его смерти 20 февраля 1054 г. и разделения Руси между его сыновьями митрополия Руси попадает в полосу разнообразных конфликтов.

Вначале они имели внутрицерковный характер. Сразу после кончины Ярослава митрополит Ефрем оказался вовлечен в полемику вокруг раскола между Римской и Константинопольской Церквями. В ней он занял резко антилатинскую позицию, дополнив список «вин» Рима множеством новых пунктов, что затрагивало интересы Изяслава и Святослава Ярославичей, женатых на принцессах из латинской Европы. Впрочем, в конфликте Изяслава с печерскими монахами из-за пострижения княжеских слуг митрополит, по всей видимости, *de facto* поддержал князя, что привело к эмиграции части печерцев. Усилившееся значение епископов в столицах младших Ярославичей и наметившиеся центробежные тенденции в Русской Церкви породили в 1055 г. конфликт между Ефремом и Новгородским епископом Лукой, который, видимо, стремился к большей независимости и которого митрополит, по надуманному обвинению его холопа (вероятно, в причастности к азартным играм), подверг трехлетнему заточению в киевском монастыре. Возвращение в Новгород Луки в 1058/9 г., наказание оклеветавшего его холопа Дудики и получение им архиепископского статуса знаменуют собой окончание церковного кризиса 1050-х гг.

Однако эта передышка оказалась недолгой (тем более что конфликт Изяслава с частью печерцев продолжал тлеть до 1066 г.). После первой междоусобной войны 1068–1069 гг. Русская Церковь оказалась вовлечена и в политические конфликты. Изгнание Изяслава из Киева в 1068 г., несмотря на его скорое возвращение и изгнание Всеслава, не только привело к бегству Антония Печерского в Чернигов, но и запустило дезинтеграционные процессы, которые повысили политический престиж младших Ярославичей и спровоцировали создание новых митрополий в стольных городах: Чернигове (до 1072 г.) и Переяславде (до 1076 г.). Эти митрополии были не полноценными, а титулярными (без епископов-суффраганов), однако последняя просуществовала до 1100-х гг. (возможно, из-за длительного правления авторитетного митрополита Ефрема), что отложило восстановление единства Церкви Руси еще на треть века.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Бармин А.В. Полемика и схизма. М., 2006. [Barmin A.V. Polemika i skhizma (Polemics and Schism). Moscow, 2006.]
- Бармин А.В. Противолатинская полемика Древней Руси: византийские параллели // ВВ. 2010. Т. 69. С. 120–131. [Barmin A.V. Protivolatinskaya polemika Drevney Rusi: vizantiyskiye paralleli (Anti-Latin Polemics of Old Rus': Byzantine Parallels) // Vizantiyskiy vremennik. 2010. T. 69. S. 120–131.]

- Бутырский М.Н. Печать Ефрема Печерского, епископа / титулярного митрополита Переяславского // АДСВ. 2019. Т. 47. С. 140–146. [*Butyrskiy M.N. Pechat' Yefrema Pecherskogo, yepiskopa / titulyarnogo mitropolita Pereyaslavskogo (Seal of Ephraim of the Caves, Bishop / Titular Metropolitan of Pereyaslav) // Antichnaya drenost' i srednie veka. 2019. T. 47. S. 140–146.*]
- Виноградов А.Ю. День освящения храма в традиции Восточной Церкви (IV–XIII веков): стратегии выбора // Средние века. 2012. Т. 73. С. 154–177. [*Vinogradov A.Yu. Den' osvyashcheniya khrama v traditsii Vostochnoy Tserkvi (IV–XIII vekov): strategii vybora (The Day of Consecration of the Church in the Tradition of the Eastern Church. 4th–13th Centuries: Strategies of Choice) // Sredniye veka. 2012. T. 73. S. 154–177.*]
- Виноградов А.Ю. Запрет как средство политической борьбы в Русской Церкви середины XI века: новые данные в деле Луки Жидяты // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 9 (107). [*Vinogradov A.Yu. Zapret kak sredstvo politicheskoy bor'by v Russkoy Tserkvi serediny XI veka: novyye dannyye v dele Luki Zhidyaty (The Ban as a Means of Political Struggle in the Russian Church in the Mid-11th Century: New Data in the Case of Luka Zhidyata) // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya». 2021. T. 12. Vyp. 9 (107).] URL: <https://history.jes.su/s207987840017171-7-1/>.*
- Виноградов А.Ю. О хронологии русских митрополитов XI века (по поводу новой гипотезы А.П. Толочко) // Slověne. 2019. Т. 8. С. 477–485. [*Vinogradov A.Yu. O khronologii russkikh mitropolitov XI veka (po povodu novoy gipotezy A.P. Tolochko) (On the Chronology of Russian Metropolitans of the 11th Century (regarding the New Hypothesis of A.P. Tolochko)) // Slověne. 2019. T. 8. S. 477–485.*]
- Гимон Т.В. Еще раз о времени учреждения Новгородской архиепископии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 1 (99). [*Gimon T.V. Yeshche raz o vremeni uchrezhdeniya Novgorodskoy arkhiyepiskopii (Once Again on the Time of the Establishment of the Novgorod Archdiocese) // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya». 2021. T. 12. Vyp. 1 (99).] URL: <https://history.jes.su/s207987840013647-0-1/>.*
- Гиппиус А.А. К вопросу о времени учреждения новгородской архиепископии // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Материалы X Международной научной конференции (9–13 сентября 2019 г., Москва, Россия). М., 2019. С. 57–59. [*Gippius A.A. K voprosu o vremeni uchrezhdeniya novgorodskoy arkhiyepiskopii (On the Time of the Establishment of the Novgorod Archdiocese) // Kompleksnyy podkhod v izuchenii Drevney Rusi. Materialy X Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (9–13 sentyabrya 2019 g., Moskva, Rossiya). Moscow, 2019. S. 57–59.*]
- Гиппиус А.А. Клевета на епископа Луку: эпиграфические свидетельства летописного эпизода // ТОДРЛ. 2016. Т. 64. С. 806–817. [*Gippius A.A. Kleveta*

na yepiskopa Luku: epigraficheskiye svidetel'stva letopisnogo epizoda (Slander against Bishop Luka: Epigraphic Evidence of a Chronicle Episode) // *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. 2016. T. 64. S. 806–817.]

Добровольский Д.А., Лавренченко М.Л. «Еже двѣ сестреницѣ поимати мужеви»: близкородственные браки в древнерусской антилатинской полемике и социальных практиках средневековой Европы // ВЕДС. 2021. [Вып.] XXXIII: Роль религии в формировании социокультурных практик и представлений. С. 83–87. [*Dobrovol'skiy D.A., Lavrenchenko M.L.* «Yezhe dvѣ sestrénitsѣ poimati muzhevi»: blizkorodstvennyye braki v drevnerusskoy antilatinskoy polemike i sotsial'nykh praktikakh srednevekovoy Yevropy (“When Two Sisters Take a Husband”: Close Kinship Marriages in the Old Russian Anti-Latin Polemics and Social Practices of Medieval Europe) // *Vostochnaya Yevropa v drevnosti i srednevekov'ye*. 2021. [Вып.] XXXIII: Rol' religii v formirovanii sotsiokul'turnykh praktik i predstavleniy. S. 83–87.]

Еремин И.П. Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ. 1947. Т. 5. С. 159–184. [*Yeremin I.P.* Literaturnoye naslediyе Feodosiya Pecherskogo (Literary Heritage of Theodosius of the Caves) // *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. 1947. T. 5. S. 159–184.]

Жиленко И.В., Лопухина Е.В., Назаренко А.В. Варлаам, прп. Печерский // ПЭ. 2003. Т. 6. С. 576–578. [*Zhilenko I.V., Lopukhina Ye.V., Nazarenko A.V.* Varlaam, prp. Pecherskiy (Varlaam, Venerable, of the Caves) // *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. Moscow, 2003. T. 6. S. 576–578.]

Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Подг. к печ. Д.И. Абрамович. Пг., 1916. [*Zhitiya svyatykh muchenikov Borisa i Gleba i sluzhby im* (Lives of the Holy Martyrs Boris and Gleb and Their Services) / Podg. k pech. D.I. Abramovich. Petrograd, 1916.]

Западноевропейские источники / Сост., пер. и комм. А.В. Назаренко // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2010. Т. 4. [*Zapadnoyeuropeyskiye istochniki* (Western European sources) / Sost., per. i komm. A.V. Nazarenko // *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov*. Khrestomatiya. Moscow, 2010. T. 4.]

Кузьминова Е.А. Остромирово евангелие // ПЭ. 2019. Т. 53. С. 484. [*Kuz'minova Ye.A.* Ostromirovo yevangeliye (Ostromir Gospel) // *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. T. 53. Moscow, 2019. S. 484.]

Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования) (ДГ. 2007 год). М., 2009. [*Nazarenko A.V.* Drevnyaya Rus' i slavyane (istoriko-filologicheskiye issledovaniya) (Old Rus' and the Slavs: Historical and Philological Studies) (Drevneyshiye gosudarstva Vostochnoy Yevropy. 2007 god). Moscow, 2009.]

- Назаренко А.В. Изяслав (Дмитрий) Ярославич // ПЭ. 2009. Т. 21. С. 669–671. [Nazarenko A.V. Izyaslav (Dmitriy) Yaroslavich (Izyaslav (Dmitry) Yaroslavich) // Pravoslavnyaya entsiklopediya. Moscow, 2009. T. 21. S. 669–671.]
- Павлов А.С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. [Pavlov A.S. Kriticheskiye opyty po istorii drevneyshey greko-russkoy polemiki protiv latinyan (Critical Experiments on the History of the Most Ancient Greco-Russian Polemics against the Latins). St. Petersburg, 1878.]
- Печников М.В. «А се новгородские епископы»: Спорные вопросы ранней церковной истории Новгорода (конец X – 70-е гг. XI в.) // Вестник церковной истории. 2015. Вып. 3/4 (39/40). С. 207–274. [Pechnikov M.V. «A se novgorodskiy yepiskopy»: Spornyye voprosy ranney tserkovnoy istorii Novgoroda (konets X – 70-ye gg. XI v.) (“And Behold the Novgorod Bishops”: Controversial Issues of the Early Church History of Novgorod. Late 10th – 70s of the 11th Century) // Vestnik tserkovnoy istorii. 2015. Vyp. 3/4 (39/40). S. 207–274.]
- Попова О.С. Остромирово Евангелие. Миниатюры и орнаменты // Остромирово Евангелие и современные исследования рукописной традиции новозаветных текстов. Сборник научных статей. СПб., 2010. С. 60–84. [Popova O.S. Ostromirovo Yevangeliye. Miniatyury i ornamenty (The Ostromir Gospel. Miniatures and Ornaments) // Ostromirovo Yevangeliye i sovremennyye issledovaniya rukopisnoy traditsii novozavetnykh tekstov. Sbornik nauchnykh statey. St. Petersburg, 2010. S. 60–84.]
- Поппэ А. Студиты на Руси. Истоки и начальная история. Київ, 2011. (Ruthenica. Supplementum; 3). [Poppe A. Studity na Rusi. Istoki i nachal'naya istoriya (The Studites in Rus'. Origins and Initial History). Kyiv, 2011. (Ruthenica. Supplementum; 3).]
- Поппэ А. Русские митрополии константинопольской патриархии // ВВ. 1968. Т. 28 (53). С. 97–108; 1969. Т. 29 (54). С. 95–104. [Poppe A. Russkiye mitropolii konstantinopol'skoy patriarkhii (The Russian Metropolitan Sees of the Patriarchate of Constantinople) // Vizantiyskiy vremennik. 1968. T. 28 (53). S. 97–108; 1969. T. 29 (54). S. 95–104.]
- Послание святейшего патрарха Константинопольского Михаила Кирулария блаженнейшему патр. Антиохийскому Петру (1054 год) / Пер. Л.А. Герд; ред. и комм. В.М. Лурье // Вертоградъ. 2001. № 2 (71). С. 62–72. [Poslaniye svyateyshego patrarkha Konstantinopol'skogo Mikhaila Kirulariya blazhenneyshemu patr. Antiokhiyskomu Petru (1054 god) (Message of His Holiness Patriarch Michael Cerularius of Constantinople to His Beatitude Patriarch To Peter of Antioch, 1054) / Per. L.A. Gerd; red. i komm. V.M. Lur'ye // Vertograd». 2001. № 2 (71). S. 62–72.]

- Послания митрополита Никифора / Подг. текстов и пер. Г.С. Баранковой. М., 2000. [Poslaniya mitropolita Nikifora (Letters of Metropolitan Nicephorus) / Podg. tekstov i per. G.S. Barankovoy. Moscow, 2000.]
- Правила святых Вселенских Соборов с толкованиями. М., 1876. [Pravila svyatykh Vselenskikh Soborov s tolkovaniyami (Rules of the Holy Ecumenical Councils with Commentaries). Moscow, 1876.]
- Рамм В.Я. Папство и Русь в X–XV веках. М., 1969. [Ramm V.Ya. Papstvo i Rus' v X–XV vekakh (Papacy and Rus' in the 10th–15th Centuries). Moscow, 1969.]
- Рыков Ю.Д., Турилов А.А. Неизвестный эпизод болгарско-византийско-русских связей XI века (Киевский писатель Григорий Философ) // ДГ. 1982 год. М., 1984. С. 170–176. [Rykov Yu.D., Turilov A.A. Neizvestnyy epizod bolgarsko-vizantiysko-russkikh svyazey XI veka (Kiyevskiy pisatel' Grigoriy Filosof) (An Unknown Episode of the Bulgarian-Byzantine-Russian Relations of the 11th Century (Kievan Writer Gregory the Philosopher)) // Drevneyshiye gosudarstva na territorii SSSR. 1982 god. Moscow, 1984. S. 170–176.]
- Соколов П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913. [Sokolov P. Russkiy arkhierей iz Vizantii i pravo yego naznacheniya do nachala XV veka (Russian Bishop from Byzantium and the Right to Appoint him before the Beginning of the 15th Century). Kiev, 1913.]
- Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. М., 2000. [Stolyarova L.V. Svod zapisey pistsov, khudozhnikov i pereplechikov drevnerusskikh pergamenykh kodeksov XI–XIV vv. (Collection of Records of Scribes, Artists and Bookbinders of Ancient Russian Parchment Codes of the 11th–14th Centuries) Moscow, 2000.]
- Турилов А.А. Георгий, митр. Киевский // ПЭ. 2006. Т. 11. С. 23–26. [Turilov A.A. Georgiy, mitr. Kiyevskiy (Georgy, Metropolitan of Kiev) // Pravoslavnaya entsiklopediya. Moscow, 2006. T. 11. S. 23–26.]
- Турилов А.А. Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа – древнейшее русское «вопросание» // Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004. (Славяне и их соседи; 11). С. 211–262. [Turilov A.A. Otvety Georgiya, mitropolita Kiyevskogo, na voprosy igumena Germana – drevneysheye russkoye «voproschaniye» (Answers of Georgy, Metropolitan of Kyiv, to the Questions of Hegumen Herman – the Oldest Russian “Questions”) // Slavyanskiy mir mezhdru Rimom i Konstantinopolem. Moscow, 2004. (Slavyane i ikh sosedi; 11). S. 211–262.]
- Цукерман К. Дуумвираты Ярославичей: К вопросу о митрополиях Чернигова и Переяславля // Дньєслово: Зб. праць на пошану П.П. Толочка. Київ, 2008. С. 40–50. [Zukerman K. Duumviraty Yaroslavichey: K voprosu o mitropoliyakh Chernigova i Pereyaslavlya (Duumvirates of the Yaroslavichi: On the Question

- of the Metropolitanates of Chernigov and Pereyaslavl) // D'nê slovo: Zb. prats' na poshanu P.P. Tolochka. Kyiv, 2008. S. 40–50.]
- Чичуров И.С. Антилатинский трактат киевского митрополита Ефрема (ок. 1054/55 – 1061/62 годов) в составе греческого канонического сборника Vat. gr. 828 // Вестник ПСТГУ. I: Богословие, философия. 2007. Вып. 3 (19). С. 107–131. [*Chichurov I.S. Antilatinskiy traktat kiyevsogo mitropolita Yefrema (ok. 1054/55 – 1061/62 godov) v sostave grecheskogo kanonicheskogo sbornika Vat. gr. 828 (Anti-Latin Treatise of the Kyiv Metropolitan Ephraim, c. 1054/55 – 1061/62, in the Greek Canonical Collection Vat. gr. 828) // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. I: Bogosloviye, filosofiya. 2007. Vyp. 3 (19). S. 107–131.*]
- Чубатий М. Історія християнства на Русі-Україні. Рим; Нью-Йорк, 1965. Т. 1. [*Chubatiy M. Istoriya khristiyanstva na Rusi-Ukraini (History of Christianity in Rus'-Ukraine). Rome; N. Y., 1965. T. 1.*]
- Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. [*Shakhmatov A.A. Razyskaniya o drevneyshikh russkikh letopisnykh svodakh (Research on the Most Ancient Russian Chronicles). St. Petersburg, 1908.*]
- Щавелев А.С., Э.П.Р., Романова А.А., Анатониева Т.В. Святослав (Николай) Ярославич // ПЭ. 2021. Т. 21. С. 196–199. [*Shchavelev A.S., E.P.R., Romanova A.A., Anatonieva T.V. Svyatoslav (Nikolay) Yaroslavich (Svyatoslav (Nikolai) Yaroslavich) // Pravoslavnaya entsiklopediya. Moscow, 2021. T. 21. S. 196–199.*]
- Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в древней Руси. XI–XIV вв. М., 1972. [*Shchapov Ya.N. Knyazheskiye ustavy i tserkov' v drevney Rusi. XI–XIV vv. (Princely Charters and the Church in Old Rus'. 11th–14th Centuries) Moscow, 1972.*]
- Acta et scripta quae de controversiis ecclesiae Graecae et Latinae saec. XI composita extant / Ed. C. Will. Lipsiae; Marburgi, 1861.
- Chrysos E. Zur Entstehung der Institution der autokephalen Erzbistümer // BZ. 1969. Bd. 62. S. 263–286.
- Čičurov I. Ein antilateinischer Traktat des Kiever Metropoliten Ephraim // Fontes Minores. Frankfurt-a-M., 1998. Bd. 10. S. 319–356.
- Kolbaba T. The Byzantine Lists. Errors of the Latins. Princeton, 2000.
- Les regestes des actes du patriarcat de Constantinople / Par V. Grumel. 2me ed. revue et corrigée par J. Darrouzès. Vol. 1.2–3. P., 1989.
- Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae / Ed. J. Darrouzès. P., 1981.
- Poppe A. L'organisation diocésaine de la Russie aux XIe–XIIe siècles // Byzantion. 1971. T. 40. P. 165–217.

ECCLESIASTICAL CONFLICTS AND THEIR SOLUTIONS IN THE
YAROSLAVICH'S ERA (1054–1073)

The article reconstructs the panorama of the crises in the Russian Church under the Yaroslavichs in 1054–1073 and the attempts to resolve them. Immediately after Yaroslav's death, Greek Metropolitan Efrem became involved in the controversy between the Roman and Constantinopolitan Churches. He took a sharply anti-Latin position and added many new items to the list of Roman 'sins', which affected the interests of Izyaslav and Svyatoslav Yaroslavichs married to princesses from Latin Europe. But in a conflict between Izyaslav and the monks of Pechery monastery due to the tonsuring of princely servants, the metropolitan apparently supported *de facto* the prince, which led to the emigration of some of the Pecherites. The emerging centrifugal tendencies in the Russian Church gave rise in 1055 to a conflict between Ephrem and Bishop Luka of Novgorod, who might have aspired to the status of archbishop and whom the metropolitan, on the far-fetched accusation of his servant (probably of involvement in gambling), subjected to three years of imprisonment in a Kiev monastery. Luka's return to Novgorod in 1058/9 and the punishment of the slave Dudika, who had slandered him, marks the end of the church crisis of the 1050s. However, after the first internecine war of 1068–1069 the Russian Church also found itself involved in political conflicts. After the expulsion of Izyaslav from Kiev in 1068, disintegration trends gave rise to the creation of new metropolitans in the capital cities of the younger Yaroslavichs, which increased their political prestige: in Chernigov (before 1072) and Pereyaslav (before 1076). These metropolitans were only titular (without episcopal suffragans), but the latter existed till the 1100s, which postponed the restoration of the unity of the Church of Russia for another third of a century.

Keywords: Ancient Rus', Russian Church, metropolity of Rosia, Yaroslavichs, church policy

DOI: 10.32608/1560-1382-2025-46-89-110